

Виктория КОШ

КОШМАР РОДИОНА ВОДОЛАЗОВА

Шкоры
Жирлы
Кримзонари
Барнсайны
Бобырики

\$ ≡

12+

Виктория Сергеевна Кош Кошмар Родиона Водолазова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019683

SelfPub; 2020

Аннотация

С рекламой, оказывается, надо осторожнее. А то привлечешь нечаянно пришельцев из иных миров... И что тогда делать?

В отделении банка было прохладно и безлюдно. Эти утренние часы Родион Водолазов любил больше всего. Через сорок минут отделение откроется, наполнится шумными клиентами, но пока здесь не было никого. Даже надоедливых стажеров, думающих, что знают все на свете.

Родион привычно улыбнулся своему отражению в зеркальной переборке, поправил рекламный – «мы меняемся вместе с нашими клиентами» – плакат, неспеша достал ключи от двери во внутреннее помещение. Как приятно знать каждую мелочь в распорядке банка, каждую деталь своих обязанностей. Как приятно не суетиться, не бегать за советами, не бояться клиентов. Совсем недавно он был желторотым стажером, а сегодня полноправный сотрудник, который разбирается во всех вопросах и, ах да, меняется вместе с клиентами.

Родион прошёл мимо своего рабочего места. Он любил, чтобы там все было в идеальном порядке, чтобы на стекле, отделяющем его от клиентов, не было ни единого пятнышка.

Пятен на стекле действительно не было. Зато была надпись, которая заставила Родиона остановиться и вытаращить глаза.

Часы приёма:

для кремниевых форм жизни 9.00-18.00

перерыв на обед 13.00-13.45

греклы обслуживаются после обеда

Буковки были чёрные и аккуратные, совсем такие же, как раньше, когда на стекле Родиона было написано заурядное «операции с вкладами, коммунальные платежи». Шутники, рассердился Родион. Когда он был стажером, он себе такого не позволял. Сами будут оттирать в обеденный перерыв.

Он сел на место, злой, недовольный. На паскудную надпись старался не смотреть, но краешком глаза нет-нет, да и выхватывал округлые буковки. Интересно, Катя тоже принимала в этом участие? А кажется такой милой...

К началу рабочего дня настроение у Родиона Водолазова было хуже некуда.

Ровно в девять входная дверь банка распахнулась для всех. Родион слышал, как мямлит за перегородкой Катя, общаясь с первым клиентом, и с мстительной радостью ждал, когда она прибежит к нему за помощью. Пусть только прибежит. Он ей поможет, ага.

– Мне бобыриков на хранение сдать, – прогудело в переговорном устройстве.

С сожалением изгнав мысль о Кате, Родион поднял голову. Сквозь прозрачное стекло на него смотрело нечто. Ростом примерно с человека, похожее на кусок светло-желтой глины, все в дырочках как свежеиспеченный блин. Ни одежды, ни лица, зато на шее – то есть на том месте, где у человека имеется шея – широкий галстук в бордовую крапинку.

Я болен, подумал Родион с отчаянием.

– Бобыриков на хранение сдать можно? – повторило существо и потянуло к Родиону конечность – извилистую и тоже всю в дырочках. Конечность прошла сквозь стекло, словно его там и не было, и замерла перед носом Родиона. По краям она была усыпана небольшими толстыми отростками, которые неприятно подрагивали и пахли тоже не особенно хорошо.

– Вы скоро? – взвизгнул кто-то. – У меня срочный заказ на барнсайнов!

Из-за куска глины, желающего сдать бобыриков на хранение, вытянулся гранитный шар на тонком стальном стебле. У шара было три беспрерывно подмигивающих глаза, и оторопевшему Родиону показалось, что разговаривает шар именно глазами.

– Видишь, гуманоид еще не освоился, – рассудительно заметила глина. – Жди, сухофор. Как все.

Прозаичное «как все» поразило Родиона в самое сердце. Игнорируя конечность, по-прежнему висящую у его носа, он встал с кресла и прильнул к стеклу.

К окошку выстроилась очередь из самых невероятных существ. Некоторые были точной копией глиняного. Кто-то тряс сотней голов, кто-то струился как раскаленный воздух, кто-то принес себя в контейнере и периодически из него выливался. Ошарашенное лицо вполне человеческой старушки, неизвестно как затесавшейся между прямоугольником цвета шампань и россыпью мигающих звездочек, было для

Родиона как бальзам на душу.

– Пропустите даму вперед! – объявил он срывающимся голосом, указывая на старушку.

– Нечестно! – воскликнул шар с тремя ротоглазами. – Я требую доступ к терминалу претензий.

– Я первый пришел, – мягко напомнила глина. – Греклы принимаются после обеда.

Он постучал конечностью по надписи на стекле, и Родион, проследив взглядом, убедился, что да, действительно. Греклы после обеда.

– Это не грекл, – сварливо возразил шар. – Это рномут. Их вообще в этом отделении не обслуживают.

Пока очередь азартно переругивалась, выясняя, кем является старушка, Родион заглянул через перегородку к Кате. Может, это все-таки галлюцинация, или сон, или розыгрыш – о, как бы он обрадовался розыгрышу... Но Катя, вцепившись в подлокотники кресла, открыла рот в беззвучном крике, а из окошка к ней тянулись темно-синие щупальца, на концах которых распускались цветы.

– Прошу прощения, моя вина, – сказал кто-то над ухом Родиона. – Не успел до открытия.

Родион повернулся, ожидая увидеть кого угодно – от летающего питона до говорящего степлера, но за его креслом стоял вполне приличный на вид человек. Костюм его был из темно-коричневой шерсти, а волосы, разделенные на тщательный пробор, блестели от геля.

– Вы кто такой? – возмутился Родион, чувствуя себя наконец в своей стихии. – Клиентам сюда нельзя!

– А я не клиент, – сказал человечек кратко. – Я координатор межгалактической банковской системы, из отдела фискальных взаимодействий. Прибыл, чтобы ввести вас в курс дела. Простите, что опоздал. Фликлары так неожиданно впали в спячку. Я банально не успел деструктуризироваться и вдобавок опоздал на пересадочный транспорт из Магнитурсы Лебеда...

Человечек прижал руки к груди, выражая раскаяние каждой клеточкой своего тела.

– Фликлары? – глупо переспросил Родион.

Человечек кивнул.

– Вся галактическая банковская отрасль в их ведении. У них это в крови, да и обучение они проходят соответствующее. Но периодически фликлары впадают в спячку. Запасаются энергией, как они объясняют, хотя если вы спросите меня, здесь не все так просто. Возьмите, к примеру, историю с емкостью для хранения бобыриков...

– Простите, – кашлянул Родион. – Но причем тут я?

– А вы замена. На переходный период банковские функции передаются одной из малых планет. Мы проводим инструктаж, и персонал успешно подменяет фликларов на время спячки. В этот раз выбор пал на ваш банк.

Человечек говорил так, словно это была невесть какая честь для них, но Родион совсем не чувствовал себя по-

льщенным.

– Почему? – спросил он с подозрением.

– Вы меняетесь вместе с клиентами. – Человечек показал на рекламный плакат у входа. – Как раз то, что нужно. Мы, координаторы, считаем, что это самый верный подход к делу. Мы сами меняемся. Даже проводим деструктуризацию, чтобы выглядеть как наши стажеры...

– Но мы ничего не проводим! – взорвался Родион. – Это всего лишь реклама! Она ничего не значит!

Человечек развел руками.

– Я не знаю, что такое реклама, но понимаю, что вам тяжело адаптироваться. Это пройдет. А пока нас ждут клиенты. Приступим?

Словно вернулись те первые, кошмарные стажерские дни в банке. Родион ничего не понимал, нигде не успевал, все путал. На него сердились в очереди, потому что он медленно работал. На него сердился координатор, потому что сколько можно объяснять одно и то же. Но раньше было проще. Раньше Родиону хотя бы приходилось иметь дело с людьми – не всегда приятными, часто нервными и склочными, но все-таки людьми. Сейчас к нему выстроилась толпа из монстров – причём не менее нервных и склочных.

У Родиона голова шла кругом. Барнсайны следовало облить маслянистой кемпой и вернуть клиенту в пергаментной бумаге и непременно с желтым бантиком. Шкоры, которыми

тэрны оплачивали коммунальные услуги, прибивались тяжёлым шестиугольником и складывались в аквариум. Жирлы менялись на кримзонарии, но курс сейчас, после войны миргов, был совершенно невыгоден, и клиенты ворчали, фыркали и булькали, почему-то обвиняя во всем Родиона. Хуже всего дело обстояло с бобыриками. Их нужно было хранить в особом контейнере, и сколько бы координатор ни лазил по ящикам стола, ничего похожего ни подобрал.

– Видимо, придется подождать, – сказал он клиенту из глины. – Еще не все оборудование на месте. Приходите завтра.

– А разве будет завтра? – побледнел Родион.

– Конечно, – широко улыбнулся человек. – Но вы не волнуйтесь. Фликлоры впадают в спячку ненадолго. В пересчете на ваше время всего три года.

По дороге домой Родион проклинал руководство банка, затеявшее ребрендинг, маркетологов, родивших глупый лозунг, инопланетян, вздумавших принять его за чистую монету. Пусть думают, что хотят, но он здесь работать не будет. Три года бить шкуры, пачкать руки кемпой и нюхать вонючие бобырики, которые еще неизвестно куда девать? Нет, он увольняется. Его кошмар сегодня закончился.

Ночью Родиона разбудила резкая боль в желудке. Он проснулся, включил свет, подошел к зеркалу. На груди по-

явилось ярко-красное выпуклое пятно. Оно было идеально круглое и напоминало кнопку. Борясь с тошнотой, Родион ткнул в нее пальцем. С мелодичным треньканьем из груди Родиона выскочил небольшой ящичек. Изнутри он был выстлан розоватыми пульсирующими клетками, на дне изысканной вязью было написано: «для бобыриков».

И свет померк в глазах Родиона.